

ЕРОПКИН УХОДИТ

Я ИГРАЮ в театре, снимаюсь в кино, выступаю в концертах, по радио и телевидению. Словом, делаю то, что умею. И так, как умею. Вместе с моими героями вы и печалитесь, и радуетесь, плачете и смеетесь. Искусство—мое призвание и, если хотите, служба, а служба, по-моему, это честное исполнение своего долга перед обществом. Я служу стране, вы служите стране, все мы служим стране, народу — артисты, космонавты, продавцы, шахтеры, машинистки, физики и лирики.

Служим стране — и друг другу. Металлург варит сталь для меня, я играю для него, а повар кормит нас обоих. Так мы обслуживаем один другого, не думая, конечно, специально об этом. Просто делаем каждый свое дело. Ибо мы все — товарищи по труду.

Но будем откровенны: одним профессиям прямо-таки везет на всеобщее признание — об их представителях и фильмах снимают, и повести пишут, и стихи слагают. Даже песни поют. А вот к некоторым другим профессиям отношение вроде как к Золушке. Я не помню, хотя и очень внимательно слежу за этим, чтобы кто-то из литераторов или композиторов взялся написать о людях весьма многочисленной армии обслуживания. Почему такое невнимание? Неинтересно? Не вдохновляет?

А между тем, говорят, из-за хорошего повара, например, случались и войны. Сейчас, конечно, кровопролитных батальонов по названной причине не бывает, а вот административные столкновения между ресторанами из-за этого, слышал я, довольно часты. Чему удивляться? Каждому хочется, чтобы шла слава, например, о каких-нибудь только здесь приготавливаемых ростбифах или кулебяках. И тогда сюда, чтобы отведать фирменное блюдо, будут ездить со всех концов города и даже из других городов.

Мы с уважением говорим о тех, кто стоит, скажем, у доменной печи. Какими полными восхищения эпитетами награждаем мы их, действительно заслуживающих всенародного признания. А если уж по стопам отца пошли к доменному гиганту его сыновья, мы говорим о семейной традиции, об эстафете мастерства.

Но как быть с теми, кто стоит у печи кухонной? Неужели не достойны и они такого уважения? Читаешь лирические строки, посвященные почтальонам, городским и сельским, которые за свою жизнь проходят путь, равный, например, расстоянию от Ленинграда до Владивостока. Но вряд ли кто замечает, как официантка за один только день пробегает, — именно пробегает, потому что просто так они не ходят, — десятки километров: от столика к столику, из зала на кухню...

Уважаю тех, кто никогда не покажет, насколько трудна его работа, как он устал. Такова и наша, кстати, актерская должность. Очень хорошо понимаю, как трудно улыбаться, когда ноги гудят от усталости. А вот официантка усталая, а

улыбается. Впрочем, не из-за этой ли улыбки сложилось мнение:

разве это труд? Легкая работенка. Вот если бы на ферму пошла, в поле или на завод, там бы работала, а не улыбалась...

Не придумал я этих слов — сам их не раз слышал. Может, не дословно передаю, но смысл не искажаю. Так и вижу сердитого дядю, уверенного, что прав он от первого до последнего слова. И невдомек ему, сердитому, что неправ он, совершенно неправ. Сам не улыбувшись, наверное, ни разу за день, считая, что это несерьезно, он и улыбку официантки, желающей ему приятного аппетита, расценивает не иначе, как несерьезность. И вот уже готово умозаключение: я работаю, мне не до улыбок, а эта — в крахмальной наколочке, в нейлоновых чулочках и модных туфельках — несерьезная особа...

ЖАЛЬ мне такого неулыбчивого. Глядя на него, представляю: нет от него никому радости — ни дома, ни на работе. Не потому ли иные авторы книг и киносценариев напоминают мне того дядю, который, конечно бы, сказал:

— Официанта в повесть? Сапожника в фильм? Да еще положительных? Нет, брат, шутить.

Помните кинокомедию «Карнавальная ночь»? Как вам понравилась Танечка, «работница питания»? Превращение происходит буквально на наших глазах. «Представлена к борщам» милая, но в общем-то обыкновенная девушка. И только благодаря праздничному карнавалу она становится героиней дня. Почему же раньше Таня не привлекала ничьего внимания? Да потому что мало ли милых девушек работает в столовых... Вот так мы вообще относимся подчас к нашим же товарищам, работающим не в научном учреждении, не в театре, не в министерстве, не на заводе, а на предприятии — всего лишь! — службы быта. Но исчезни вдруг сразу сапожные и швейные мастерские, фотоателье и киоски металлобыстремонта, мы бы сразу это ощутили. А так привыкаешь.

У глаза человеческого есть особенность: прежде всего замечать все большое, яркое. Вот космонавт — это да, фигура. Врач столичной клиники — тоже. А шофер автобуса или сельский фельдшер? Обыкновенно, буднично. Но ведь картина жизни нашей не пишется одной лишь черной, или розовой, или голубой краской: она многокрасочна, и это ее богатство, в этом ее ценность.

Присутствовал я невольно при разговоре: некая мама жаловалась приятельнице, что дочь пошла «в продавцы». Она так и сказала: «в продавцы». Как будто «в услужение».

— Представляешь! — восклицала она. — Лучшего ничего не нашла —

Михаил ЖАРОВ,
народный артист СССР

□ □

в прислуги пошла «подай — покажи»...

Не часто я бываю в магазинах, но приходится. И, представьте себе, девушки за прилавками не прислуги там — хозяйки. Будем откровенны до конца — не всегда приветливые, но хозяйки, а не служанки. И, думаю, ни одна из них не считает свою работу прислуживанием.

...Слуга, прислуга, служить, услужить, обслужить. Слова одного корня. Но социальный смысл профессии обслуживания в нашем обществе коренным образом изменился.

Службу быта мы называем иначе сферой добрых услуг. Наверное, и людям, занятым этим трудом, надо быть добрыми. Здесь очень много молодежи, которая порой с одинаковым успехом впитывает в себя и хорошее, и плохое. И потому к месту такое пожелание: пусть вашим девизом, друзья, будет чуткость, душевность, сердечная улыбка. И еще очень хочется, чтобы те, кто нас обслуживает, всегда были красивыми: одежде, считая со вкусом, современная и непременно к лицу прическа, а у женщины — и маникюр. Так вот: не подумайте ли нам о том, чтобы прическу и маникюр женщинам, занятым в сфере обслуживания, делать бесплатно? Казалось бы, мелочь. Но это из тех мелочей, которые создают настроение. В данном случае настроение тех, от которых зависит и наше с вами доброе или дурное расположение духа. Наверное, не так уж трудно универмагу, гастроному или кафе изыскать необходимые средства.

Общение с людьми, работа за прилавком, например, — непростая служба. Торговать, кормить, причисывать надо уметь. Имею в виду не владение ремеслом, а умение сделать собою, быть приятным в обращении. Поговорите со старыми людьми, они вам скажут, что приказчики в старых магазинах были, что называется, сама предупредительность, внимание, услужливость. Они встречали с поклоном и провозжали с поклоном. Сегодня нам не нужны поклоны. Но предупредительность, внимание мы хотим чувствовать всякий раз, покупаем ли коробку спичек, заходим в кафе выпить чашечку кофе или сдаем в чистку пиджак.

Добро рождает добро. Это истина. Почему же подчас мы бываем скуповаты на улыбку, на приветливое слово? И тогда рождается ситуация, каких тысячи каждый день. Утром жена вернулась из магазина взвинченная, потому что продавец нагрубил. Я, «зарядившись» от жены, в скверном настроении отправляюсь по своим делам. На улице кто-то случайно меня задел, и я на-

чинаю потихоньку «закрывать»... Но не буду продолжать. А ведь куда приятнее, если бы с утра, скажем, начиналась цепная реакция доброго слова, дружеской улыбки!

Если вдуматься, нет у нас профессии, мой дорогие друзья, которая существовала бы в такой гордой независимости. В жизни все так взаимосвязано, что нельзя выкинуть ни одного звена — нарушится вся цепь. И если бы каждый на своем месте был добросовестным и приветливым, насколько приятнее была бы наша жизнь! Медики доказали, что злое, грубое слово по результатам воздействия на организм равно длительной болезни. А разве по себе мы не знаем, как долго помнится горечь оскорбления! Саднит, болит, как настоящая рана. Человек силен, он может вынести любые испытания, но он очень легко раним морально. Иногда даже не слово, а просто недобрый взгляд надолго оставляет неприятный осадок в душе.

Надеюсь, меня поймут правильно. Не мораль я читаю. А хочется по праву человека, обслуживающего других, сказать, что профессия обслуживания ныне столь же почетна, как и всякая другая. И нужно, чтобы это поняли обе стороны.

Ну а то, что я сделал несколько упреков в адрес тех, кто работает иной раз без души и тем приближает свою профессию, — это не беда. Правда во взаимоотношениях нужна людям как воздух. И я не возражаю, если, неудачно сыграв в спектакле, завтра услышу от знакомого продавца магазина:

— Да, товарищ Жаров, неважно вы справились со своей ролью. Не получил я удовольствия, какого ожидал. Я вас, конечно, обслужу. Но если бы вы удачнее выступили, я бы обслужил вас лучше. А так, извините...

Мы служим. Выполняем свой гражданский долг. Мечтаем о будущем. Фантасты утверждают, что уже скоро все — решительно все — будет делать машина. Возможно, возможно... Наверное, исчезнут многие профессии, которые сейчас нам кажутся вечными. Пальто и ботинки если не начнут расти на дереве и в поле, то станут выпрыгивать готовыми из чудо-машин. Возможно, со временем мы забудем о химчистке. Но в одном я убежден: покоряя звездные миры и болезни, мы острее ощущаем, что все мы, каждый на своем месте, нужны друг другу, что вместе служим общему делу и общему счастью.

КОГДА я взялся писать эту статью, пришла мысль: да я и сам, пожалуй, в долгу перед службой хорошего настроения. Больше двадцати лет назад сыграл Жаров роль завмага Еропкина. И стал Еропкин популярной личностью. Но теперь думаю, не падает ли на меня вина, что так живуче представление о работниках торговли, как о еропкиных? И, честное слово, с каким бы удовольствием сыграл я анти-Еропкина! Неужели никто не напишет такой роли?